

СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО СЕВЕРЯН: СЫРЬЕ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, СИСТЕМА ИЗМЕРЕНИЙ

© 2013 Ю. А. Пуголовок

ст. науч. сотрудник
e-mail: raudbard@ukr.net

*Центр охраны и исследований памятников археологии управления культуры
Полтавской областной государственной администрации*

Статья посвящена анализу сырьевой базы, инструментария и системы мер, которые использовали носители роменской археологической культуры при возведении фортификационных, жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Наличие специальных деревообрабатывающих инструментов предполагает существование в северянском обществе мастеров-плотников с необходимым уровнем знаний о природных строительных материалах и системе мер.

Ключевые слова: Днепровское Левобережье, роменская культура, северяне, строительные материалы, деревообрабатывающие инструменты, система мер.

Вопросы изучения во взаимосвязи сырьевой базы, инструментария и системы мер, использовавшихся в строительной практике летописных северян, являются чрезвычайно важными для понимания социально-экономических процессов, протекавших у восточных славян в конце I тысячелетия. Применение того или иного сырья влияло на выбор конкретных инструментов для работы с ним и формировало в строительстве набор определенных технологических приемов и способов измерений для его оптимизации.

Сырьевая база. Долгое время в научной литературе, посвященной славянскому и древнерусскому домостроению, отмечалась определенная «зональность» в распространении конструктивных типов сооружений, согласно которой в северных районах расселения восточных славян (лесная зона) ведущую роль при возведении жилья играли срубные наземные дома, в то время как на юге (лесостепная зона) доминировали полуземлянки каркасно-столбовой конструкции [Раппопорт 1975: 117, 118, рис. 27; Раппопорт, Колчин, Борисевич 1985: 136, табл. 36; Ковалевский 2002: 14, 15]. Но такое разграничение представляется весьма условным. Например, считалось, что в Киеве (лесостепная зона) ведущим типом жилья была полуземлянка с глинобитными стенами [Каргер 1959: 350]. Такая характеристика сооружений входила в диссонанс со статусом главного стольного города Руси. На это обращал внимание еще М.Н. Тихомиров: «Уж очень бедным и жалким оказывается Киев, соперник Константинополя, со своими полуземлянками...» [Тихомиров 1956: 145]. В результате последующих археологических исследований было установлено, что киевляне все же предпочитали сруб в качестве основного конструктивного приема при возведении жилищ [Толочко 1972: 111–118; Сагайдак 1991: 31–51]. Широко распространенными в Киеве были и наземные жилища [Гупало 1981: 71]. Постепенно утверждается мысль о господстве в древнерусское время срубной схемы на территории всего Юга [Моргунов 2003: 122–131; 2012: 133–144] — наиболее экономически развитого и населенного региона Киевской Руси [Моця 2004]. Тем не менее вопрос о домостроительстве северян «племенной» эпохи остается во многом дискуссионным. Показательна в связи с этим характеристика славянского поселения по материалам хрестоматийного Новотроицкого городища, данная его исследователем И.И. Ляпушкиным: «Вероятнее всего, оно

больше напоминало курганный могильник, чем поселение. Только печной дым да снующие между жилищ люди оживляли этот пейзаж» [Ляпушкин 1958: 210].

Верификация историографических заключений о строительстве северян возможна путем анализа сырьевой базы и, прежде всего, ее достаточности и доступности в ареале расселения северян. На территории Днепровского Левобережья сокращение лесных массивов происходило в период с VIII по X в. [Горбаненко 2006: 77], что совпадает с периодом похолодания, а также увеличением площадей, которые использовались для сельского хозяйства. Растительность региона была представлена широколисто-сосновыми, липово-дубовыми и байрачными лесами [Горбаненко 2007: 28, 29]. О.В. Сухобоков отмечал, что роменские поселения были наиболее сконцентрированы в районе распространения подзолистых почв, что указывает на распространение здесь в древности крупных лесных массивов [Сухобоков 1975: 125, 126]. Рассматривая природные условия Переяславской земли в X—XIII вв., Н.М. Коренной также указывал на преобладающую долю залесенных территорий, которые в конце I тысячелетия составляли основу Северской земли. В частности, на карте, составленной исследователем, лесные массивы на Левобережье полностью совпадают с ареалом роменской археологической культуры [Коринний 1988: 102, рис. 5]. О наличии крупных лесных массивов на землях не только северян, но также радимичей и вятичей указывается в летописном сообщении: «а Радимичи и Вятичи. и Северо. ѿдинъ ѿбычай имѡху. живѡху в лѣсѣ ꙗко же всѡкыи звѣр» [Ипатьевская летопись 1908: стлб. 10]. Очевидно, часть лесов использовалась славяно-русским населением для хозяйственной деятельности, конкретно – в строительстве и ремесленной деятельности, а также как топливо. Темпы такой вырубki хотя и были высоки, однако не имели тотального характера [Горбаненко 2007: 86–88, 94, 97]. Исследователи предполагают, что лес при благоприятных условиях восстанавливался довольно быстро, хотя вблизи населенных пунктов этот процесс шел медленнее [Кириков 1979: 14, 15]. Несмотря на довольно мощное хозяйственное освоение славянами своих земель, добыча леса регламентировалась и определенными табу. Согласно этнографическим материалам, целая группа деревьев не подлежала вырубке, исходя их идеологических и прагматических представлений [Байбурин 1983: 28–31]. В любом случае следует констатировать, что недостатка в строительном материале у северян не было. Дерево в организации быта являлось главным и самым доступным материалом.

Крайняя условность разделения жилья на «северное» и «южное» подтверждается и наличием на Левобережье, хотя и немногочисленных, остатков срубов на памятниках последней четверти I тысячелетия. Прежде всего, речь идет о жилищах №№ 13 и 14 Волынцевского поселения [Березовец 1955: 51, 52, рис. 4; Юренко 1984: 37, рис. 5], а также о роменских объектах – жилище № 3 на поселении у с. Горбово [Григорьев 2000: 88] и яме № 100 Липинского поселения [Енукова 2007: 46] и сооружении, раскопанном О.В. Сухобоковым на поселении у с. Волокитино [Сухобоков 1974]. Известны срубы и на синхронных славянских памятниках в Подонье [Ковалевский 2005]. В пользу того, что северяне использовали срубные конструкции, свидетельствуют их фортификации с деревянными клетями в основе. Их остатки были найдены на городищах Горбово, Большое Горнальское, Хитцы [Григорьев 2000: 65] и, вероятно, Монастырище [Комар, Сухобоков 2004: 164, рис. 2: 5]. Широкое применение дерева при строительстве укреплений подтверждается интересным наблюдением И.И. Ляпушкина, которое было сделано в ходе осмотра Хорошевского городища. По сообщениям местных жителей, уголь из вала (остатки пережженного дерева конструкций) использовался для хозяйственных нужд, и его даже продавали [Ляпушкин 1961: 141].

Кроме дерева, северяне в строительном деле применяли глину, сфера применения которой в роменском строительстве имела четко определенное место. Прежде всего, она использовалась в качестве обмазки, в том числе и для замазывания щелей между бревнами сруба, а также при сооружении межрусных перекрытий. Глина была основным материалом для возведения печей. Известны случаи использования камня, прежде всего, в фортификациях и специальных теплотехнических сооружениях, в меньшей степени — бытовых печей. Археологически зафиксированным строительным материалом являлась солома, пережженные остатки которой встречаются при раскопках жилых и хозяйственных построек северян. Она использовалась для обустройства кровли.

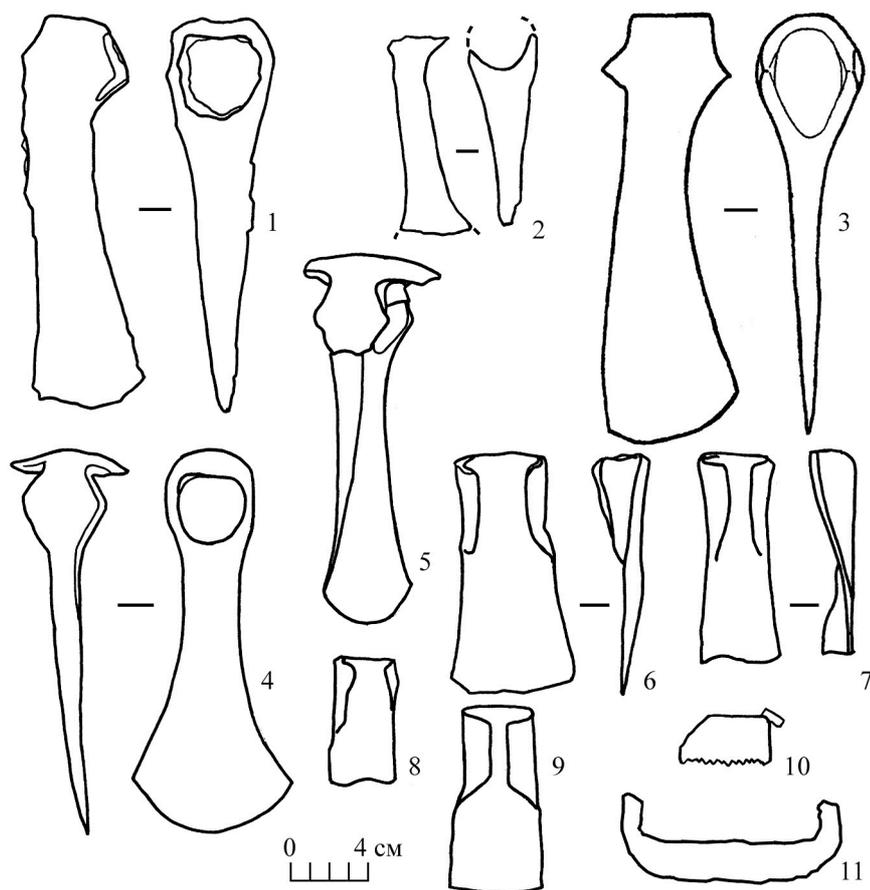
Приведенный обзор сырьевой базы северян подтверждает отсутствие категорического расхождения между жилищами южных и северных территорий расселения восточных славян. Славяне, принадлежавшие к одному культурному массиву, имели много общего в материальной культуре, в том числе и в одном из важнейших ее проявлений — домостроительстве [Харламов 1976; Толочко 1981: 77; Раппопорт 1985: табл. 51–52; Колчин 1985: 254–260; Сагайдак 1991: 66].

Инструментарий и обработка дерева. В связи с незначительным количеством источников деревообрабатывающее дело северян остается еще на недостаточном уровне изученности. Некоторые сведения общего характера имеются в трудах И.И. Ляпушкина и О.В. Сухобокова [Ляпушкин 1958: 217; Сухобоков 1975: 118], в то время как для эпохи Киевской Руси этот вопрос относится к числу детально проанализированных [Колчин 1985]. Археологические материалы, характеризующие уровень развития деревообработки, в древностях роменской культуры представлены главным образом инструментами, в меньшей степени — продукцией. Это связано с особенностями культурного слоя северянских поселений, в условиях которого дерево сохраняется неудовлетворительно, что неоднократно отмечалось [Сухобоков 1975: 118; Енукова 2007: 21].

Из числа инструментов деревообработки заметное место занимают топоры. В ареале роменской культуры известны образцы как универсальных, так и чисто боевых изделий [Григорьев 2000: рис. 47]. В целом это согласуется с общерусскими тенденциями, где не существовало типологической разницы между большинством боевых и производственных топоров [Кирпичников 1966: 28]. К числу деревообрабатывающих принадлежит топор с узким лезвием, найденный на Новотроицком городище (рис. 1: 1). Подобные изделия относятся ко второму типу по классификации Б.А. Колчина. Их особенностью является наличие узкого и прямого лезвия [Колчин 1985: 255]. Вероятно, к этому типу относится и обломок топора, обнаруженный в одном из жилищ Полтавы [Супруненко, Кулатова, Приймак 2001: 75] (рис. 1: 2). Топор с клиновидным лезвием происходит из Жерновецкого клада [Сокол, Зорин, Пузикова 2007: 147, рис. 4: 3]. Универсальный топор найден на городище около с. Водяное [Колода 2004: 170, рис. 2: 1].

Хорошо представлены на памятниках роменской культуры тесла. С Новотроицкого городища происходят четыре таких инструмента двух типов: проушные с горизонтальной втулкой и широким лезвием (рис. 1: 4, 5) и втульчатые с коленчатой рукояткой (рис. 1: 6, 7) [Колчин 1985: 256]. Эти тесла похожи на так называемые «мотыжки». Разница между ними заключается в том, что для первых характерно наличие прямого или с загнутыми краями лезвия, в то время как у вторых лезвие — широкое, постепенно сужающееся к втулке [Приймак 1990: 72]. Подобные изделия известны из раскопок Большого Горнальского городища [Куза 1981: 17, рис. 32: 6] (рис. 1: 8) и из Жерновецкого клада [Сокол 2007: 147, рис. 4: 2]. Вероятно, к деревообрабатывающим инструментам относится и найденное на городище у с.

Коробовы Хутора «тесло-мотыжка» [Шрамко 1962: рис. 120: 16] (рис. 1: 9). Тесла первого типа применяли для плотницких работ, в то время как тесла с коленчатой рукояткой могли использоваться для резьбы [Колчин 1985: 256]. На памятниках роменской культуры известны находки пил (Старые Санжары, Большое Горнальское городище) (рис. 1: 10) и скобелей (Большое Горнальское городище) (рис. 1: 11). К инструментам деревообработки относятся также долота и стамески [Сухобоков 1975: 110, 118, рис. 56: 11; Куза 1981: 31, рис. 32: 6]. На городище Песочный Ров в жилище было обнаружено железное зубило [Залізник, Шумова, Каравайко, Маярчак 2003: 111].

Деревообрабатывающие инструменты:
1-3 – топоры; 4-9 – тесла; 10 – пила; 11 – скобель

Менее известна готовая продукция строительного дела. В первую очередь, это – остатки сгоревших деревянных конструкций: плахи, отесанные доски, остатки вертикальных столбов и срубных конструкций. Плахи имеют разную длину — от 0,3–0,5 до 1,0–2,0 м, в зависимости от сохранности. Ширина их колеблется от 0,10 до 0,40 м. Остатки деревянных изделий со следами обработки обнаружены в процессе раскопок вала на городище Монастырище. Это — плахи шириной от 0,30 до 0,40 м, на одной из которых сохранились поперечные запилы шириной 0,5 см, расположенные на расстоянии 10–15 см [Сухобоков, Комар, Белінська 2000: 8–9]. Несколько фрагментов орнаментированных деревянных брусков было обнаружено в жилище 16 на Большом Горнальском городище [Куза 1981: 24]. В редких случаях фиксируются остатки входных конструкций из дерева, а именно – бревен со ступеньками (например, Глинское).

Еще одной категорией продукции являются столбы различного диаметра. Сохранность их зачастую неудовлетворительна, поэтому об их форме и размерах

можно судить преимущественно по столбовым ямкам. Столбы были округлые, квадратные (прямоугольные) и сегментовидные в сечении. Последние следует связывать с расколотыми пополам столбами. Оговоримся, однако, что форма столбовых ямок не всегда может быть показателем формы самого столба.

Представленный набор деревообрабатывающих инструментов, несмотря на ограниченное количество находок, подтверждает наличие природного строительного материала и предполагает определенный профессиональный уровень мастеров [Пуголовок 2011: 168, 169]. Ведущая роль принадлежала топору, который использовался для заготовки древесины, а также как универсальное орудие для тески или раскалывания бревен. Для первичной обработки древесины (снятие коры с дерева, зачистка бревен при возведении сруба) применялся скобель. При изготовлении бревен необходимой длины использовались пилы, подтверждением чему могут служить находки плах с Монастырища, дающие представление о технике их изготовления: запил с последующим обтесыванием топором [Сухобоков, Комар, Белінська 2000: 8, 9]. Для более тонкой работы использовались тесла, долота и стамески. Судя по всему, с их помощью выполнялась фигурная обработка древесины, включая художественную резьбу. Попутно отметим, что находки сложного инструментария свидетельствуют о существовании специализации кузнецов, которые могли изготавливать качественные поковки такого рода.

Система измерений. Выявление системы измерений, которой пользовались северяне, на сегодня является довольно сложной задачей. Существование ее было необходимо в различных сферах жизни древнего населения, но особенно — в строительстве. Конечно, говорить об устоявшихся нормах измерений в столь ранний период славяно-русской истории сложно, однако существование определенных метрических номиналов не противоречит общему ходу исторического процесса. Так, Б.А. Рыбаков отмечал, что традиционные меры долгое время бытовали среди населения, и только с ростом профессионализма архитекторов появляются дополнительные меры, предназначенные для определения сложных пропорций в строительстве [Рыбаков 1948: 67].

Специальных исследований, посвященных вопросу мер у северян, на данный момент нет. Бегло этой теме касалась О.Н. Енукова на примере жилья, исследованного на Липинском городище. Она вычислила зависимость между горизонтальными и вертикальными размерами сооружения. Горизонтальные размеры жилья были следующими: стены составляли три прямые сажени (460 см), диагональ помещения — три косые сажени (650 см). Вертикальные параметры реконструировались следующим образом: общая высота двух ярусов равнялась трем мерным саженим (530 см), высота каждого из ярусов составляла около одной большой сажени (250 см). В интерьере дома размеры некоторых его частей также имеют аналогии в средневековой метрологии — локоть, мерная и прямая полусажени. Использование таких соотношений между основными видами сажений позволяло строителям получать квадраты или прямоугольники с точными углами в 90° [Енукова 2005: 51, 52].

Таким образом, общий облик строительного дела северян поддается реконструкции на основе синтеза сведений о сырьевой базе, инструментарии и отчасти системе измерений, которая, следует признать, на сегодняшний день представляет собой крупную и самостоятельную исследовательскую тему. Несомненно, в среде роменского населения были мастера с плотницкими навыками достаточно высокого уровня, причем находки ряда инструментов позволяют предполагать и владение приемами деревообработки, которые, скорее, соответствуют уже столярным.

Библиографический список

- Байбурун А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- Березовець Д.Т.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. // АП. 1955. Т. V. С. 49–66.
- Горбаненко С.А.* Землеробство слов'ян останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. 2006. №3. С. 73–79.
- Горбаненко С.А.* Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. К.: Академперіодика, 2007. 196 с.
- Григорьев А.В.* Северянская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: «Гриф и К⁰», 2000. 263 с.
- Гупало К. Н.* Деревянные постройки древнекиевского Подола // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 138–158.
- Енукова О.Н.* К вопросу о реконструкции роменского жилья (на материалах постройки Липинского городища) // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Истоки, 2005. С. 46–53.
- Енукова О.Н.* Домостроительство населения Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курск. гос. ун-та, 2007. 220 с. (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси Курского гос. ун-та. Вып. 1).
- Залізник Л.Л., Шумова В.О., Каравайко Д.В., Маярчак С.П.* Розкопки багаточислового поселення Пісочний Рів на Новгород-Сіверщині // АБУ 2001–2002. Київ: ІА НАНУ, Шлях, 2003. С. 108–111.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 580 с.
- Кириков С.В.* Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X — начале XIX в. М.: Наука, 1979. 184 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36. 181 с.
- Ковалевский В.Н.* Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донецком лесостепном междуречье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 23 с.
- Ковалевский В.Н.* Славянские срубные жилища VIII – первой половины XI вв. с территории Днепро-Донского междуречья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: сб. ст. Курск: ООО «Мечта», 2005. С. 67–73.
- Колода В.В.* Еще один сезон работ на городище у с. Водяное на Харьковщине // АБУ 2002–2003. К. 2004. Вип. 6. С. 169–171.
- Колчин Б.А.* Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь Город. Замок. Село / под. ред. акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1985. С. 243–297.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема приемственности. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII – X ст. Київ, 2004. С. 159–173.
- Корінний М. М.* Природні умови Переяславської землі в X–XIII ст. // Історико-географічне вивчення природних та соціально-економічних процесів на Україні. Київ: Наукова думка, 1988. С. 100–105.
- Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города М.: Наука, 1981. С. 6–39.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 74. 328 с.
- Ляпушкин И.И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104. 382 с.
- Моця О.П.* Про відмінності давньоруської Півночі від Півдня // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2004. Вип. 4. С. 96–104.
- Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI — XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.
- Моргунов Ю.Ю.* Летописный город Снепород. СПб.: Филологический факультет, 2012. 252 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. XVI с. 938 стб. 87 с.

Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII – X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев: Наукова думка, 1990. С. 69–72

Пуголовок Ю.О. Деревообробна справа літописних сіверян // Середньовічні старожитності Центрально–Східної Європи. Чернігів: Сіверянська думка, 2011. С. 168–169.

Раппорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1-32. 179 с.

Раппорт П.А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 136–154.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.–Л. 1948. 792 с.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Київ, 1991. 168 с.

Сокол К. Ф., Зорин А. В., Пузикова А.И. Жерновецкий клад железных изделий роменского времени // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 146–151.

Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Приймак В.В. Пізньороменські комплекси з посаду літописної Лтави (за розкопками 1997–1998 рр.) // АЛЛУ. Полтава, 2001. № 1 (9). С. 52–76.

Сухобоков О.В. Розкопки городища поблизу с. Волокитине // Археологія. 1974. Т. 13. С. 109, 110.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 168 с.

Сухобоков О.В., Комар О.В., Белінська Л.І. Звіт про роботи Лівобережної слов'яно-руської комплексної експедиції у 1999 р. (розкопки у м. Ромни) // НА ІА НАН України. Ф.е. 1999/6. Спр. № 26566–26567. 60 арк.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 475 с.

Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. Київ: Наукова думка, 1972. 219 с.

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М.: Наука, 1981. С. 63–94.

Харламов В.О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X–XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ: Наукова думка, 1976. С. 47–55.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1962. 404 с.

Юренко С.П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII–X ст. // Археологія. 1984. Вип. 45. С. 34–46.

Список сокращений

АВУ — Археологічні відкриття в Україні

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України

АН СССР — Академия наук СССР

АП — Археологічні пам'ятки

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НА ІА НАН України — Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України

САИ — Свод археологических источников

Ф.е. — Фонд експедицій